

Зябну. Голодно. Дров чуть-чуть. Таня готовит обед.¹ В доме *только несколько копеек*. Ужас... А помните Ваше в С<анкт>-П<етер>б<ург> письмо

«3-й день русской
Республики».²

Нагулялись с республикой. Экая гоголевщина. Вонючая, проклятая.

А я так рассчитывал было...

Любящ. В. Р.

Томительно хочется прижаться к Вам и поплакать на плече. Ах, что мы пережили. И по приезде в 1917 г. был как в беспамятстве. Продуктов *вне базара* (среда, пятница, воскресенье) никаких. И в довершение убийства душевного сделалось «не держание мочи и кала». Ужас, ужас.

Дурылин — на редкость человек.³

Датируется по карандашной помете Перцова о получении письма: «1918 17 (4) IX». Впервые: Розанов В. Письма 1917–1919 годов. С. 88.

¹ Дочь Розанова Татьяна.

² Имеется в виду письмо Перцова Розанову от 1 марта 1917 года, которое начиналось так: «Русской республике день 3-й» (Под «колесом» истории... С. 42).

³ Личное знакомство Розанова с писателем, публицистом Сергеем Николаевичем Дурылиным (1886–1954) состоялось в августе 1917 года в Сергиевом Посаде. Дурылин вернулся из Оптиной пустыни, где собирался посвятить себя монашеству. В 1918 году общение Дурылина с Розановым становится постоянным. В дневнике Дурылин отметил приход к Розанову на последние именины, 1 января 1919 года: «Он лежит ногами к теплой печке, на высокой кровати, весь укутанный всем, чем можно, на голове розовый шерстяной капор. Он осунулся, нос обострился, — глаза карие и точно в них что-то притушено: будто пламя лампы убавлено, слабо горит, но еще не мерцает, а горит, — и глаза глядят из-под нависающих куделяшек капора, — и, видно, лежит и думает» (Дурылин С. Н. Троицкие записки / Публ. и комм. Т. Н. Резвых и А. И. Резниченко // Наше наследие. 2015. № 116. С. 86). В своем дневнике Дурылин подробно описал последние дни Розанова, его кончину 23 января 1919 года (Там же).

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-4-134-141

С. П. ДОВГЕЛЛО. ТРИ ОСОКОРЯ

(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЗАМЕТКА, ПОДГОТОВКА ТЕКСТА
И КОММЕНТАРИИ © В. Н. БЫСТРОВА)

Сергей Павлович Довгелло — старший брат жены А. М. Ремизова, Серафимы Павловны Ремизовой-Довгелло (1876–1943). Сведения о нем крайне скудны. Родился в 1874 году. Учился в Черниговской гимназии, которую по неустановленным причинам не сумел окончить. Жил с матерью и сестрами в родовом имении семьи Довгелло в селе Берестовец Борзнянского уезда Черниговской губернии. С. П. Ремизова-Довгелло вспоминала о брате: «Сережа самый добрый из нас, совсем незлобивый, хороший, никому зла не сделал, его все любили, мама больше всех его любила».¹ Дочь Ремизовых Наталья признавалась, что и она очень его любила, звала «папой». Умер Сергей Павлович от сыпного тифа в 1919 году. В повестях Ремизова «В поле блакитном» и «Оля» он стал прототипом Михаила Ильменева.

¹ Ремизова-Довгелло С. П. «Мои записки», записи, письма (рукой Ремизова, с его замечками и примеч.). Книга I // ГЛИМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 287. Л. 116 об.

«Три осоко́ря» — воспоминания С. П. Довгелло, которые хранились у Бориса Борисовича Бунича-Ремизова (1929–2016) — внука Ремизовых, сына их дочери Натальи.² Текст предваряет машинописное примечание Б. Б. Бунича-Ремизова: «Это — рукопись воспоминаний Сергея Павловича Довгелло об усадьбе, где выросли С. П. Ремизова-Довгелло и Н<аталья> А<лексеевна> Ремизова — я ее цитировал в своих воспоминаниях. Б. Ремизов».³

Воспоминания можно условно разделить на две части: первая касается автора, его родственников, родового поместья в Берестовце, а вторая — драматичной истории отчуждения дочери Ремизовых Наташи. О второй части следует сказать особо.

Дочь Ремизовых, Наталья Алексеевна Ремизова, родилась в апреле 1904 года в Одессе. Летом 1904 года они гостили с Наташей в Берестовце. В апреле 1905 года, по словам писателя, «во второй раз С<ерафима> П<авловна> повезла Наташу в Берестовец. В первый раз на все лето с тем, чтобы вернуть ее к осени в Петербург. Но это будет начало оставить ее навсегда».⁴ Они по большой нужде покидали девочку, которую в Берестовце опекали мать, сестры и брат Серафимы Павловны. Основной причиной была неустроенная жизнь родителей в Петербурге: житейские неурядицы и, главное, по выражению Ремизова, «вопиющая бедность». Разлука затянулась. Бездетные родственники все больше привязывались к девочке, а она привыкала к ним. В письме к Н. В. Кодрянской от 9 августа 1947 года Ремизов вспоминал: «Когда она (Наташа. — Б. Б.) жила с нами, моя была полная воля, да и у бабушки с тетками первое время я встречался. Но потом все кончилось: были годы ужасные, когда *она меня стеснялась*, все мои слова, все мое не подходило к тому, что она слушала от любимых течок, беззаветно полюбивших ее».⁵ Резкий разрыв произошел, когда Серафима Павловна однажды «приехала в Берестовец одна, она привезла Наташе куклу. Кукла не понравилась избалованной девочке, она отвернулась от подарка и от матери. С. П. приняла очень близко к сердцу движение девочки и со свойственной ей горячностью заявила, что у нее нет больше дочери. Она вернулась в Петербург одна, в слезах».⁶ 9 июля 1917 года (дочери было 13 лет) Ремизовы в Берестовце в последний раз видели Наташу. Н. В. Резникова свидетельствовала: «Тем, кто знал Ремизовых в эмиграции, не совсем понятно, как такие волевые и сильные характером люди, какими были А<лексей> М<ихайлович> и С<ерафима> П<авловна>, жизненное правило которых было „жить по своей воле“, могли позволить отнять у них ребенка».⁷ В этой непростой истории многое переплелось, и далеко не все зависело только от родителей, стремившихся вернуть Наташу к себе.

Б. Б. Бунич-Ремизов утверждал: «Не подлежит, как мне представляется, сомнению тот факт, что А<лексей> М<ихайлович> был намного более нежным отцом, чем С<ерафима> П<авловна> — любящей матерью»; «...насколько именно она, а не только А<лексей> М<ихайлович>, хотела забрать дочь к себе — вопрос, на который, думается, однозначного ответа быть не может».⁸

Не слишком ли категоричен был Борис Борисович в своих суждениях? Сергей Павлович Довгелло в таких случаях предостерегал: «Мне всегда становится больно, если кто дурно отзывался о матери. И хотя я знаю, что на свете есть дурные матери,

² См. о нем: Ремизов А. М. Собр. соч. СПб., 2019. Т. 15: В розовом блеске. С. 827–828 (комм. А. М. Грачевой).

³ Имеются в виду следующие мемуары: Бунич-Ремизов Б. Б. 1) Супруги Ремизовы в судьбе их дочери и в восприятии ее близких // Алексей Ремизов. Исследования и материалы. СПб., 1994. С. 267–272; 2) Родные и близкие С. П. Ремизовой-Довгелло в посвященных ее жизни произведениях А. Ремизова // Алексей Ремизов. Исследования и материалы. Салерно, 2003. С. 367–372.

⁴ Цит. по: На вечерней заре. Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло / Подг. текста и комм. А. д'Амелия // Europa Orientalis. 1990. № IX. С. 443.

⁵ Цит. по: Кодрянская Н. Алексей Ремизов. Париж, [1959]. С. 195.

⁶ Резникова Н. Огненная память. Воспоминания об Алексее Ремизове. СПб., 2013. С. 70.

⁷ Там же.

⁸ Бунич-Ремизов Б. Б. Супруги Ремизовы в судьбе их дочери и в восприятии ее близких. С. 268, 270.

но мне всегда хочется кричать: не осуждайте так, узнайте, почему она не иная, покопайтесь, и Вы в самой дурной из них найдете частицу высокого, хорошего».

Примечательно, что в конце апреля 1905 года Ремизов убеждал жену в своем послании из Петербурга в Берестовец: «Послушай меня, тут Натуся здоровенькой не станет, ишь, холода какие! Пусть проживет лето, а на осень домой». Позднее он признался: «Когда я писал, я чувствовал, что на шее — петля, но что я мог написать?»⁹

В апреле 1909 года, когда Наташе было пять лет, Серафима Павловна сокрушалась в дневниковой заметке: «О трех вещах я страшно жалею. Первая вещь — это когда девочку отвезла к своим родственникам. Я помню, мы уже решили ее отвезти перед Пасхой, завтра поедем; я целую ночь не спала и все плакала, плакала, будто чувствовала, что потом будет. И не повезли. А потом через неделю, уже после Пасхи, повезли. Теперь, когда я думаю и решаю, можно ли отвозить детей, если бедность такая, как у нас была, думаю, можно, только к родственникам по духу, к людям, понимающим хоть что-нибудь в твоём. А мои родственники для меня дальше и чужее всех встречных. Там, при встрече с первым попавшимся человеком, есть надежда, что, может, и не чужой будет, а тут все известно, и они воображают, что меня знают, и сами обо мне никакого понятия не имеют. Я думаю, что мое самое страшное несчастье — мои родственники. И им-то пришлось отвезти мою дочь. Мне бы было легче, если бы она тогда умерла, чем то, что теперь получилось».¹⁰ Ремизов отметил по поводу этого признания жены: «Горькие слова о роде — ожесточение разлученной матери. Эта горечь проникает всякую память и глушит всякое чувство, остается одно режущее и резкое — безысходное».¹¹

О непростых взаимоотношениях с родными свидетельствует и запись Серафимы Павловны от 6 февраля 1916 года: «Когда у меня моего ребенка отняли мои родственники, т. е. мои 2 сестры, мой брат и даже моя мама, я очень тогда страдала, ночи не спала, плакала, томилась. А теперь не мучаюсь этим. Бог с ними, Бог им судья. Я как-то много из-за этого факта поняла: я поняла, что любовь настоящая — это когда знаешь человека и любишь его, и еще больше можешь любить и узнавать, и для него любишь, не только для себя, а для него. А наверно есть такая любовь, когда любят только для него, и эта любовь — самая высокая. Так вот я поняла окончательно то, что и раньше понимала, только не окончательно, то, что нет у меня родных, они ни меня, ни жизни моей не знают и не понимают и не любят меня, конечно, да и нельзя любить того, кого совсем не знаешь, оттого так легко отняли у меня ребенка, и еще оттого, что не думают и не умеют думать по правде ни о себе самих, ни о мире, ни о другом человеке. В сущности, это — люди страшные, но таких людей большинство, только исключения не такие».¹²

В романе «В розовом блеске» (гл. «Слепая любовь»)¹³ Ремизов пересказал историю Серафимы Павловны, повествуя о жизни подруги Оли Ильмёновой Зины Рашевской, родственники которой лишили ее сына Миши: «И было твердое решение: настанет лето, поехать в деревню к матери и взять Мишу, несмотря ни на что. Но всякий раз, как Зина хотела взять Мишу, ее уж не уговаривали, а грозили смертью матери, что мать не вынесет — „и без того из-за тебя много страдала!“, и все делалось, чтобы помешать... <...> А когда мать захворала, нашелся новый предлог: Мишу не отдавали — „потому что мать скоро умрет“ — „и пусть Миша будет ей последним утешением“. И никто не подумал... да Зине легче было бы, если бы даже помер Миша: ей

⁹ На вечерней заре. Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло. С. 453.

¹⁰ Ремизова-Довгелло С. П. «Мои записки», записи, письма... Книга I. Л. 116, 117.

¹¹ Там же. Л. 116 об.

¹² Ремизова-Довгелло С. П. «Мои записки», записи, письма... Книга V // ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 291. Л. 5–6. Ср. также ее запись от 24 июня 1917 года: «Да, мои родственники ничего не понимают, что они сделали по отношению ко мне. Совести у них нет, иначе нельзя сказать. <...> Я знаю, что надо, чтобы мои родственники проснулись от глубокого сна, очнулись бы. Потому что, если бы они очнулись, они бы прежде всего поняли, какое зло мне сделали, а потом бы, какое зло они делают Наташе» (Там же. Л. 11).

¹³ Отдельно впервые опубли.: Последние новости (Париж). 1934. 11 авг. № 4687. С. 2.

невыносимо мучительно приезжать было в деревню и видеть Мишу — Миша чуждался ее. <...> Миша был совсем чужой, за годы его научили быть чужим...»¹⁴

Жизнь Натальи Алексеевны Ремизовой после расставания с родителями складывалась непросто. После окончания киевской гимназии она училась на историко-филологическом факультете Киевского университета. Затем преподавала в школе русский и украинский язык и литературу. Б. Б. Бунич-Ремизов писал о матери: «...в связи с тем, что ее страшно баловали и вконец избаловали слепо любившие ее тетушки, которые заменили ей мать (особенно Лидия Павловна), — она была нелегким человеком, <...> очень вспыльчивой, резкой, что во многом объяснялось также и неустроенной личной жизнью: мама была три раза замужем <браки официально не регистрировались. — В. Б.>, но прожила свои годы фактически без настоящей семьи».¹⁵ Умерла Н. А. Ремизова от сердечной недостаточности во время оккупации немцами Киева 30 октября 1943 года. По свидетельству Б. Б. Бунича-Ремизова, похоронена «на киевском Лукьяновском кладбище в одной могиле — по ее желанию — с ее любимым дядей Сергеем Павловичем».¹⁶

Мемуары С. П. Довгелло, при всей своей краткости, ценны тем, что являются достоверным документальным дополнением к произведениям Ремизова, посвященным С. П. Ремизовой-Довгелло: «В поле блаkitном» (Берлин: Огоньки, 1922), «Оля» (Париж: Вол, 1927), «В розовом блеске» (Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952). Они значимы еще и потому, что многие реалии были художественно переосмыслены, отчасти мифологизированы писателем.

Воспоминания представляют собой текст на шести страницах большого формата, написанный рукой С. П. Довгелло; подпись и дата отсутствуют. Некоторые фрагменты ранее были опубликованы.¹⁷ Хранится: ИРЛИ. Архив А. М. Ремизова. Ф. 256 — и публикуется полностью по этому автографу.

ПРИЛОЖЕНИЕ

С. П. Довгелло

Три осокоря¹ (по Борису Лазаревскому «Три тополя»)²

Это была средняя усадьба, довольно-таки запущенная.³ Она никогда до конца не приводилась в порядок. Дом, выстроенный более 40 лет <назад>, стоит незаконченным, так в нем живут и умирают. Я помню, несколько раз делали в усадьбе изгородь, но новую делали не сразу, а по частям. Не помню ни одной весны и осени, чтобы в эту усадьбу не заходили чужие свиньи и лошади через поломанную изгородь. Изгородь сильно портили и соседи.

В этой запущенной усадьбе есть три величественных осокоря, которые видно издали, откуда бы вы ни подъезжали к селу. Они имеют несколько обхватов в окружности и самые высокие деревья в окружности. Старуха баба Татьяна⁴ говорила, что когда она была молодой и спрашивала у старых людей, давно ли стали такими большими осокори, то ей отвечали: сколько помним себя, всё они такие. Есть еще громадная груша «Трубка», вероятно, тоже чуть не сверстница осокорям, да несколько старых верб. Больше ничего нет замечательного в этой усадьбе. Сад плох и запущен.⁵

Над усадьбой с тремя осокорями висит какое-то проклятие.⁶ Не знаю, с какого времени оно висит, но знаю, что со времен дедушки моего оно существует.

¹⁴ Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 15. С. 458–459.

¹⁵ Цит. по: Резникова Н. Огненная память. С. 87–88.

¹⁶ Бунич-Ремизов Б. Б. Супруги Ремизовы в судьбе их дочери и в восприятии ее близких. С. 271.

¹⁷ Там же. С. 269; Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 15. С. 751, 817.

Дедушки своего я не помню: он умер до появления моего на свет.⁷ Бабушку помню: это была маленькая, худенькая старушка.⁸ К ней мы относились довольно холодно и побаивались совсем не так, как бабушки со стороны матери.⁹ Говорят, что дед и баба жили дружно и счастливо сначала, несмотря на то, что у дедушки, говорят, был вспыльчивый и даже, кажется, злой характер. Не знаю, была ли бабушка счастлива своими детьми, м<ожет> <быть> и да, но некоторых из них ей пришлось лишиться уже взрослыми, кажется, два умерли от чахотки, причем один простудился, возвращаясь в Петербурге после бала, где у него утащили калоши.¹⁰ Дедушка причинил бабушке сильное горе: он зарезался бритвой, не то в припадке белой горячки, не то рассердившись на что-то.¹¹ А потом немало горя перенесла бабушка, когда заболел мой отец психическим расстройством.¹²

Своих отца и мать я знаю хорошо. Вначале, говорят, жили дружно, счастливо и обладали приличными средствами. Потом отец заболел, его лечили в Чер<ниговском> Псих<иатрическом> Отд<елении>. Мы тогда были маленькие, но я помню, когда мы возвращались вместе с отцом из Чернигова на почтовых лошадях. Ехали хорошо до последней станции, а выехав с последней ст<анции>, отец начал придирается к ямщику, что он не так правит, побил его, прогнал с козел и правил уже сам. Ехали мы очень быстро, помню, моя мамочка всё крестилась и просила Бога спасти нас. Я помню разговор, что отца отпустили из лечебницы не поправившись. Дело, кажется, было так. Отец был знаком и даже приятелем старшего врача больницы Демидовича. Когда отец лечился, то бывал и на дому в гостях у врача. Уходил ли отец сам часто в город, не знаю, но раз ушел и устроил какой-то скандал. Доктор опасался ответственности за то, что больные уходят из больницы, телеграфировал маме, что отец поправился и что его надо домой взять. Из болезни отца я помню массу битых стекол в зале, кажется, от бутылок, и слова: «Это деньги».¹³ В доме, благодаря больному отцу, у нас были нелады: хозяйство запущено, в средствах нуждались, несмотря на то, что средства, собственно, были довольно порядочные. Крестьяне раскрадывали днем и ночью лес, и когда кто-нибудь из знакомых говорил об этом отцу и указывал на воров, отец страшно злился на сообщающего и говорил: «Не вводите меня в искушение. Они принимают на себя мои грехи».

Мама моя всю жизнь стремилась дать образование детям и жить... в том городе, где они учатся, но так и не переехала, хотя имела и свои средства ввиду участка земли. Сколько всегда было слез при расставании, и мамочка говорила: на следующий год уже продам землю и перееду. Так бедная и просидела всю жизнь в усадьбе.

Я учился плохо, и маленьким не знал, чего мне просить у Бога: чтобы учиться хорошо или чтобы выгнали из гимназии. Мне сильно было жаль маму и страшно за нее, что она живет вместе с папой, и хотелось быть возле ее: мне казалось, что папа может что-нибудь сделать маме, а я, если б был дома, спас бы маму. Меня в конце концов выставили-таки из гимназии и, правду сказать, не столько за плохое учение, как физиономия моя не понравилась вновь назначенному инспектору Антошину. Исключение из гимназии причинило большое горе моей маме.

<В> 1894 г<оду> отец мой вновь заболел психическим расстройством в буйной форме; дома проболел месяца 2–3 и умер.¹⁴ Начали жить в усадьбе я и мама, а сестры только приезжали. Жили бедно, но дружили. Потом жила младшая моя сестра.¹⁵ Чуть-чуть начали поправляться обстоятельства, мамочка всё мечтала пол исправить, откуда зимой немилосердно дуло, мечта эта сбылась лишь незадолго до маминой смерти.

Маму и нас постигло большое несчастье: ехала мама в церковь говеть на санях и сломала ногу. Нога потом срослась, но через некоторое время мама перестала ходить. Везли в лечебницу к Дейчу,¹⁶ не помогло.

В усадьбе с тремя осокорями то чуть-чуть начнет счастье улыбаться, то опять придавит. Когда я был еще маленьким, у меня был приятель хлопец Кирилло. Раз играл он и говорит: «Плоха Ваша жизнь, паньчу, дид Ваш здурив и батько здурив и Вы здурите...»

Со мной случилось страшное, кошмарное горе, и опять-таки отчасти оно связано с поездкой в усадьбу с тремя осокорями.¹⁷

В усадьбе с тремя осокорями начало жить и четвертое поколение в лице моей дорогой племянницы Наташи. Я не могу сказать, чтобы жизнь деточки протекала счастливо. Ее любили и баловали все окружающие: бабушка, тетки и я. Но мать и отец жили от нее отдельно. Ее оставили на короткое время в деревне у бабушки; бабушка, мать моей сестры, болезненно привязалась к девочке, настолько болезненно, что, по заключению врача, разлука с девочкой грозила смертью моей матери. Сестра волея-неволей откладывала каждый раз на короткое время разлуку. Это создало атмосферу особого страха, страха приезда сестры в усадьбу. Девочка всё больше привязывалась к домашним и всё больше отвыкала от родителей и всегда сильно волновалась перед приездом и во время пребывания сестры в усадьбе. Она облегченно вздыхала, когда уезжала сестра: опасения, что ее заберут, не оправдались. Не знаю, что чувствует Наташа к своей матери, думаю, что теперь ничего, хотя ей и внушали, что надо любить маму и папу. Она от них отвыкла.¹⁸ Я наверное только знаю, что Натуся не имеет того представления о матери, не испытывает тех переживаний, связанных с этим словом так, как мы. Для меня самое святое слово на свете: мать. Мне всегда становится больно, если кто дурно отзывается о матери. И хотя я знаю, что на свете есть дурные матери, но мне всегда хочется кричать: не осуждайте так, узнайте, почему она не иная, покопайтесь, и Вы в самой дурной из них найдете частицу высокого, хорошего. Оно есть — это хорошее, только слишком на него много дурного набросано.

Я очень люблю Наташу, хотелось, чтобы она перестала любить усадьбу с тремя осокорями: я боюсь, что и ее постигнет в ней какое-нибудь несчастье. Как уберечь от этого? Или от судьбы не уйдешь? Хотел бы где-нибудь купить усадьбу, как игрушечку, чтобы к ней привязалась Натуся, а с тремя осокорями продать и дорожку замести, чтобы никто и не ездил.

¹ Осокорь — тополь черный из семейства ивовых, с мягкой древесиной и с серой, чернеющей корой; высота дерева достигает 35 м; возраст — до 300 лет и больше. Осокори в усадьбе Довгелло неоднократно упоминаются в повести Ремизова.

² Лазаревский Борис Александрович (1871–1936) — писатель, публицист. С 1920 года жил в эмиграции. «Три тополя» — название рассказа и одного из сборников прозы Б. А. Лазаревского.

³ Подразумевается имение семьи Довгелло в селе Берестовец. В повестях село называется Ватагино.

⁴ Имеется в виду многолетняя нянька Татьяна в семье Довгелло. В повестях она явилась прототипом няньки Фатевны.

⁵ Ср. разительный контраст в описании усадьбы в повестях: «Богат Ильменевский дом, белыми башнями глядит он за просторные поля в широкую степь, пышно дедовское убранство — почерневшее серебро и тусклое золото, дорогой бархат и бесшумные рытые ковры, поблекшие амур и цветы на потолке, тяжелые люстры, зеркала, старые портреты в гостиной, в диванных, в портретной — крепки стены, и земля под ними крепка — насиженное место, а узорные бронзовые часы на камине, не уставая, вот уж века, отбивают звонко минуты»; «Старый с белыми башнями Ильменевский дом бывал иллюминирован — на прудах подвижные острова и плавучие вензеля, в саду освещенные аллеи, фейерверки, ракеты, музыка» (Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 15. С. 10, 9).

⁶ Ср. в записи С. П. Ремизовой-Довгелло под названием «Слепая любовь»: «Над этой семьей тяготел рок» (Ремизова-Довгелло С. П. «Мои записки», записи, письма... Книга VI // ГИМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 292. Л. 68). Отца Оли Ильменевой преследовала навязчивая мысль: «— В доме мира нет, погибнет дом! — нередко говорил Александр Павлович» (Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 15. С. 11).

⁷ Речь идет об Иване Михайловиче Довгелло, дедушке С. П. Ремизовой-Довгелло и С. П. Довгелло; в повестях он послужил прототипом Павла Петровича Ильменева.

⁸ Имеется в виду Анна Ефимовна Довгелло (урожд. Ковалевская) — бабушка С. П. Ремизовой-Довгелло и С. П. Довгелло; в повести — прототип Анны Михайловны Ильменевой.

⁹ Речь идет о бабушке со стороны матери Марии Михайловне Самойлович (Ратьковой). С. П. Ремизова-Довгелло писала о ней: «...я думаю, что лучше всех меня понимала бабушка <...> я это как-то чувствовала, что бабушка знает, какая я» (Ремизова-Довгелло С. П. «Мои записки», записи, письма... Книга I. Л. 60). Мать Сергея и Серафимы Довгелло — Александра Никитична Довгелло (урожд. Самойлович; 1846–1917); в повестях — прототип Натальи Ивановны Ильменевой.

¹⁰ Подразумевается Афанасий Иванович Довгелло (1821–1845), брат П. И. Довгелло, дядя Серафимы Павловны; в повестях является прототипом Василия Павловича Ильменева. По словам Ремизова, он умер, не выдержав «петербургского климата»: «ранняя смерть от плеврита после воспаления легких» (Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 15. С. 591). Ср. в главе «Жаркое лето»: «...а Василий Павлович — и Ильменев, а умудрился и от чахотки помер» (Там же. С. 78).

¹¹ С. П. Довгелло касается трагического эпизода, о котором одной фразой говорится в главе «Таинственный зайчик»: «И еще рассказывает бабушка, как страшно умер дедушка Павел Петрович — зарезался!» (Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 15. С. 15). И. М. Довгелло страдал психическим расстройством. Об этой болезни его жена Анна Ефимовна писала сыну Афанасию: «Болезнь его непостижима: он всегда печален, задумчив, не любит ни с кем ничего говорить, негде бывать, некого к себе принимать, говорит, что для его нет ничего милого и занимательного; и всегда всем говорит, что для его жизнь несносна, его всякая малость беспокоит и тревожит, он очень мало спит, аппетит имеет умеренной, не чувствует не какой боли, не какой слабости, всегда всем говорит, что он здоров. Вот я тебе и описала в точности его несчастную болезнь» (Там же. С. 594). Этот фрагмент близко к тексту воспроизведен в повести в описании болезни дедушки Павла Петровича (Там же. С. 15).

¹² Отец Сергея и Серафимы Довгелло — Павел Иванович Довгелло (?–1895); в повестях он послужил прообразом Александра Павловича Ильменева. Подробности, о которых пишет далее С. П. Довгелло, в произведениях отсутствуют. В данном случае его свидетельства об отце являются уникальными.

¹³ Ср. в одном из эпизодов повести: «Было одно, что никак не мог выносить Александр Павлович, — деньги. И всякий раз, когда речь заходила о деньгах, он менялся весь, вставал и уходил. / Однажды, получив очень крупную сумму, — рассказывали, что это какие-то деньги, которые давным-давно следовало ему получить за крестьянскую землю, — он вернулся из города, положил эти деньги на стол и упал» (Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 15. С. 10).

¹⁴ О смерти отца Серафима Павловна, со слов родных, писала: «Ал<ександр> Пав<лович> [Павел Иванович] опять „сошел с ума“. Поводом послужил начатый процесс против него со стороны его сестры [Наталья Ивановна Василенко] из-за ее части <имения>, которую он будто бы ей не отдал. <...> Ал<ександр> П<авлович> <...> получил повестку из суда и почувствовал себя дурно. / „Гонят меня из моего дому!“ — так сказалось у него и выговорилось. А потом он стал кричать. <...> В его выкриках можно было различить: он кричал, что дети не его, и только одна Оля — его дочь. / Три недели он так мучился. И решили опять везти в Покидош (Чернигов) в сумасшедший дом, и вдруг у него отнялись ноги, потом руки, и потом язык. И так три дня — затих и заснул и больше не проснулся» (Ремизова-Довгелло С. П. «Мои записки», записи, письма... Книга III // ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 289. Л. 5).

¹⁵ Имеется в виду Лидия Павловна Довгелло (1879–1943), сестра С. П. Ремизовой-Довгелло; в повестях прототип Лены Ильменевой.

¹⁶ Дейч Иосиф Яковлевич (1857–1928) — врач-физиотерапевт, основатель Киевской водолечебницы. Его сын А. И. Дейч отмечал: «Отец, известный в Киеве врач-новатор, доктор медицины, физиотерапевт, прошедший специальный курс в Венском университете...» (Дейч А. И. Арабески времени // Звезда. 1968. № 12. С. 184). В 1911 году в санатории доктора проходила лечение мать С. П. Ремизовой-Довгелло и С. П. Довгелло А. Н. Довгелло. Ср. в мемуарах А. И. Дейча: «Оказалось, что в санатории отца находится на излечении мать жены писателя, Серафимы Павловны Довгелло. Старуха лежала довольно долго в отдельной палате с тяжелым заболеванием — суставным ревматизмом. Серафима Павловна и дочь их — семилетняя Наташа часто навещали больную...» (Там же. С. 190). См. также: Резникова Н. Огненная память. С. 69.

¹⁷ Об этом несчастье С. П. Довгелло нам неизвестно.

¹⁸ Эту драматичную историю С. П. Ремизова-Довгелло так изложила в своей мемуарной записи, которая затем легла в основу главы «Слепая любовь» в романе «В розовом блеске»: «<...> Над этой семьей тяготел рок. Все знали, что муж и жена живут между собою плохо, не дружно — это все знали кругом. А дети не понимали, словами не говорили, но дети бывали веселы только тогда, когда кто-либо один был дома: или папа, или мама. Тогда дети чувствовали свободу, мир. <...> Оля вышла замуж против воли мамы и всех родных. Оля очень бедная. У Оли дочь Наташа. Летом Оля отвезла Наташу к маме в Берестовец [Ватагино] подышать свежим воздухом, а не томиться бы в Петербурге, где и душно, и насчет еды плохо. Они очень бедно жили. / Оля отвезла Наташу к маме, а назад взять уже не может, не отдают, привязались к ребенку: в их скучной безрадостной жизни Наташа — свет. / Оля мучается, не улыбнется, как прежде. Но всякий раз, когда она хочет взять Наташу, ей грозят, что мама умрет, и так из-за Оли много страдала, что мама не вынесет. / А потом, когда мама стала болеть, Оля говорят, что мама скоро умрет, пусть ей Наташа будет последняя утеха. / Никто не думает об Оле, что она — мать, что ей было бы легче, если бы ее Наташа умерла, была бы у Бога, чем то, что теперь — Наташа ей чужая. Оле легче не приезжать в дом, в Берестовец [Ватагино], не видеть Наташу, чем видеть ее чужой. / Умерла мама. Кажется, теперь бы можно было вернуть Наташу, но Оля поняла, что

Наташа совсем чужая, что ее научили быть чужой. <...> брат Сережа [Миша], он самый добрый, он с детства с Олей всегда вместе, и даже ночью, когда Оля не спала, он с нею, бывало, не спит, Сережа [Миша] не отдаст Наташу, а ведь любит Олю. И никто не заступился» (*Ремизова-Довгелло С. П. «Мои записки», записи, письма... Книга VI. Л. 68, 71, 72).* См. об этом также: На вечерней заре. Письма А. М. Ремизова С. П. Ремизовой-Довгелло: 1912 год / Вступ. статья, подг. текста и комм. Е. Р. Обатниной // *Русская литература*. 2019. № 1. С. 91–92.

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-4-141-145

© В. В. Филичева

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ПЕРЕВОДЫ Д. С. УСОВА ИЗ Н. С. ГУМИЛЕВА В КОЛЛЕКЦИИ П. Н. ЛУКНИЦКОГО*

Среди материалов в коллекции П. Н. Лукницкого о жизни и творчестве Н. С. Гумилева находится «Альбом, составленный Лукницким. Проза, пьесы, переводы»¹ (далее — Альбом), состоящий из опубликованных и неопубликованных произведений поэта. Так как Лукницкий вел свою работу в период, когда не могло быть и речи о переиздании текстов Гумилева, то многие из них представляли для исследователя несомненную ценность в силу малодоступности.² Обстоятельствами сбора материалов объясняется то, что в состав Альбома включены и печатные страницы из книг, журналов, газет, наклеенные на альбомные листы, и машинописные и рукописные копии широко известных теперь текстов: предисловие «От редакции» к журналу «Sirius» (Париж. 1907. № 1), статья «М. В. Фармаковский. Artiste-peintre (Письмо из Парижа)», рассказы «Карты», «Записки кавалериста», «Орион» и «Черный генерал», драмы «Отравленная туника», «Охота на носорога», «Дерево превращений», с правкой, учтенной в Полном собрании сочинений Гумилева, статья «Умер ли Менелик?». К последнему тексту, к примеру, сделано примечание: «Все вышеизложенное переписано мной с печатного текста из выписки, сделанной рукой Н. П. Дмитриева 19.X.24».

Комментарии Лукницкого, несомненно, ценны тем, что дополняют картину бытования, передачи материалов в среде собирателей 1920-х годов. Упомянутый Н. П. Дмитриев (1903–?) занимался в «Звучащей раковине» у Гумилева, а позже, после смерти поэта, связывался с Лукницким и через его посредство с Л. В. Горнунгом для работы над «Историей гумилевского текста».³

Источники находящиеся в Альбоме переводов, выполненных Гумилевым, так же разнородны, как записи оригинальных произведений, однако приведены с большей вариативностью. Лукницкий переносил в свой экземпляр текста не только правку Гумилева, но и правку редакторов. Так, переписанная из журнала «Северные записки» (1914. № 1. С. 60–70) поэма В. Грифена «Кавалькада Изольды», а чуть позже и сами печатные страницы отразили редакторскую правку А. Я. Левинсона (этот

* Исследование подготовлено при поддержке РНФ, проект № 19-18-00353 «Создание международного научно-информационного портала „Автограф. XX век“, НИУ ВШЭ.

¹ ИРЛИ. Ф. 754 (К). Оп. 1. № 22.

² О коллекции Лукницкого см.: *Двинагина Т. М.* Коллекция П. Н. Лукницкого: История и состав // Н. Гумилев, А. Ахматова: По материалам историко-литературной коллекции П. Лукницкого. СПб., 2005. С. 3–24. Подробнее о процессе превращения книг Гумилева в букинистическую и опасную редкость, а также о двух случайно напечатанных откликах библиографов, мечтающих о «систематическом изучении и просмотре журналов, альманахов, ежемесячников, газет, воспоминаний и пр.» для поиска информации о поэте, см.: *Тименчик Р. Д.* К истории культа Гумилева. I // *Тыняновский сборник*. М., 2009. Вып. 13: XII–XIII–XIV Тыняновские чтения. С. 298–351.

³ Подробнее о нем см.: Н. С. Гумилев в переписке П. Н. Лукницкого и Л. В. Горнунга / Публ. И. Г. Кравцовой (при участии А. Г. Терехова) // *Николай Гумилев. Исследования. Материалы. Библиография*. СПб., 1994. С. 523–525.